

П. П. ТОЛОЧКО

Кочевые народы степей и Киевская Русь

Bibliotheca Slavica

Петр Толочко

**Кочевые народы
степей и Киевская Русь**

«Алетейя»

2017

УДК 94(47).02
ББК 63.3(2)41

Толочко П. П.

Кочевые народы степей и Киевская Русь / П. П. Толочко —
«Алетейя», 2017 — (Bibliotheca Slavica)

ISBN 978-5-89329-579-5

Это первое в отечественной историографии исследование со столь широким хронологическим и тематическим охватом, базирующееся на комплексном анализе письменных и археологических источников. Перед читателем последовательно раскрываются страницы древней истории аваров, болгар, венгров, хазар, печенегов, половцев, монголо-татар – кочевых народов, противостоявших восточным славянам и Киевской Руси. Для широкого круга читателей.

УДК 94(47).02
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-89329-579-5

© Толочко П. П., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Петр Толочко
Кочевые народы степей и Киевская Русь
СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

BIBLIOTHECA SLAVICA

Введение

*Для вас – вежа, для нас – единый нас.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
монголов и Европы.*

А. Блок

Приведенный в качестве эпиграфа прекрасный поэтический образ Александра Блока как бы продолжил мысль Александра Пушкина о том, что образующееся европейское просвещение было спасено от монгольских варваров растерзанной Русью.

Несмотря на попытки ряда историков изменить это хрестоматийное представление о характере нашествия монголо-татар на Русь и даже переложить вину за их кровавые походы на самих же русских, как это делал Л. Н. Гумилев, реальная жизнь, отраженная в письменных и археологических источниках, подтверждает правоту гениальных русских поэтов. Более того, сказанное ими справедливо и по отношению к предшествующим периодам взаимоотношений славян и Руси с кочевым миром степей. Со времен Великого переселения народов по XIII в. восточные славяне вынуждены были вести изнурительную борьбу с гуннами, аварами, хазарами, болгарами, утрами, печенегами, торками, половцами, монголо-татарами.

Объективно, славяне и Русь действительно заслонили собой европейские народы от опустошительных вторжений кочевников. Осознавала ли это просвещенная Европа? Несомненно. Примером этому может служить, в частности, утверждение византийского историка Никиты Хониата о том, что христианский русский народ спас от нашествия половцев Византию.

Пушкину, а вслед за ним и многим историкам, казалось, что Европа не оценила по достоинству этот великий подвиг Руси. Возможно, это и так. Однако предъявлять ей счет за это, как, впрочем, и кочевникам за их нашествия, мы вряд ли вправе. История была такой, какой ей предопределено было быть, и историки должны не судить, а лишь объективно представить ее ход, объяснить, по возможности, причинно-следственные ее связи.

Длительное противостояние кочевых народов степей и оседлых славянорусов было исторически и географически обусловлено и не зависело от злой либо доброй воли его участников. Периодические выходы огромных масс кочевников из Азии в степи Восточной Европы обуславливались объективными факторами, главными из которых были: давление избытка населения на производительные силы, а также природные катаклизмы. Палеоклиматологами установлена определенная цикличность теплых и засушливых, а также прохладных и влажных периодов в прикаспийско-причерноморских степях. Аналогичные процессы происходили и в азиатских степных регионах. К счастью для кочевых народов, климатические ритмы в различных регионах не совпадали. Эти же факторы во многом объясняют и поведенческие стереотипы степного населения по отношению к оседлому. Особенно агрессивными становились кочевники в засушливые периоды, когда от знойного солнца выгорали травы, пересыхали небольшие степные реки и озера. В такие периоды степь не могла прокормить своих насельников, и они устремлялись в лесостепные районы, занятые земледельцами. Столкновения, часто кровавые, становились неизбежностью.

Эти события достаточно полно отражены в русских летописях, а также в хрониках других стран. В ряде исследований, посвященных трудным взаимоотношениям кочевников и Руси, идея принципиального их противостояния объявлена искусственной и надуманной, идущей

от Русской православной церкви¹. Эта мысль, впервые сформулированная В. А. Пархоменко, была поддержана и развита в наше время Л. Н. Гумилевым. Он полагал, что «куманофобия» родилась под пером русских церковных книжников уже в XII в., причем была, на его взгляд, позаимствована ими у католической церкви². Искусственно усложненной считал Л. Н. Гумилев и ситуацию с монголо-татарским нашествием. По мнению Гумилева, масштабы катастрофы Руси сильно преувеличены летописцами и последующими историками, а, кроме того, монголы искренне хотели мира с русскими, но после предательского убийства их послов в 1223 г. и неспровоцированного нападения на Калке мир стал невозможен. Завоевание Руси, однако, не состоялось, поскольку оно якобы и не замыслилось. Правда, русские называли монгольского хана царем и платили в Орду ежегодный «выход», но зато были избавлены от вмешательства ханов во внутренние дела³.

Как же тогда квалифицировать выдачу ханами ярлыков русским князьям на владение русскими же землями? Как оценить жестокое истребление непокорных князей и бояр, периодические кровопускания на Руси, требования разрушить до основания русские города-крепости? Это разве не вмешательство во внутренние дела русских княжеств?

Можно было бы отнести исследовательскую экстравагантность Л. Н. Гумилева на счет его неприятия господствовавшей официальной оценки роли кочевников в истории Руси. Но такой, по сути, никогда и не было. Если С. М. Соловьеву, В. О. Ключевскому, Н. И. Костомарову казалось, что «борьба со степным кочевником, половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVIII в. – самое тяжелое историческое воспоминание русского народа⁴, то П. В. Голубовский, В. Г. Ляскоронский, М. С. Грушевский отмечали и положительные моменты в истории русско-кочевнических отношений. Аналогичная ситуация имела место и в советской историографии. Наряду с утверждениями об извечной борьбе «леса и степи» и ее негативной роли для жизни славян и Руси, содержащимися в трудах А. Н. Насонова, В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбакова, Г. Г. Литаврина и других историков, высказывались также мысли и о конструктивном начале русско-кочевнических контактов. Кроме В. А. Пархоменко своеобразной «простепной» ориентации придерживались М. Н. Покровский, А. Ю. Якубовский, С. В. Юшков. Справедливости ради следует отметить, что в большей мере эти оценки относятся к печенегам и половцам. «Представлять себе половцев в виде некой темной азиатской силы, тяжелой тучей висевшей над представительницей европейской цивилизации – Киевской Русью, – писал М. Н. Покровский, – у нас не будет ни малейшего основания»⁵. Б. Д. Греков рассматривал печенегов не только как внешнюю силу, но и как внутреннюю. Много их осело на территории Киевского государства и растворилось в русской массе⁶.

Выводы П. В. Голубовского, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского об определенной этнической интеграции кочевников и русских, особенно в зонах их постоянного взаимодействия, нашли дальнейшее развитие в трудах Л. Н. Гумилева. Справедливо предположив, что «переход трех пассионарных групп, выделившихся из трех степных народов: кангалов (печенеги), гузов (торки) и куманов при столкновении с Киевским каганатом создал ситуацию этнического контакта»⁷, он затем довел эту мысль до абсурда. «Ситуацию этнического контакта» Л. Н. Гуми-

¹ Пархоменко В. А. Истоки русской государственности (VIII-XI). Л., 1924. С. 69–71.

² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 323–330.

³ Там же. С. 14, 339, 358.

⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории, М., 1956. Т. I. Ч. 1. С. 67.

⁵ Покровский Ж. Я. Русская история с древнейших времен, Л., 1924. Т. I. С. 102–103.

⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. И. Покровского // Историк-марксист. 1937. № 5/6. С. 73.

⁷ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 330.

лев возвел в ранг «единой этно-социальной системы», или «симбоза», причем распространил этот вывод не только на печенегов, торков и половцев, но также и монголо-татар⁸.

Одним из главных аргументов этого явился авторский тезис «экономико-географического единства региона, в котором сочетались зональные и азональные ландшафты» и определялась «необходимость создания целостной хозяйственной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую»⁹. Приходится признать, что и эта мысль, не лишенная рационального зерна, слишком абсолютизирована. Безусловно, региональный взаимообмен имел место. Но в течение всего Средневековья южнорусские степи представляли собой отдельную не только естественно-географическую, но и этнополитическую систему, которая хотя и взаимодействовала с лесостепной земледельческой, но никогда не составляла с ней единого хозяйственного целого.

В историографии XX в. постепенное ослабление Киевской Руси нередко связывалось с длительным кочевническим давлением, в том числе и половецким, Н. И. Костомаров полагал, что свою отрицательную роль в этом сыграли и оседавшие на землю печенего-торческие племена. «По мере того как Южная Русь наполнялась инородными этническими группами, “южнорусы” были вынуждены переселяться в другие районы Руси и тем самым, вероятно, ослабляли свой элемент в отечестве»¹⁰,

С появлением широкой базы археологических источников тезис о запустении Среднего Поднепровья уже в XII в. потерял свою убедительность, Археология не только не подтвердила его, но и показала, что Южная Русь оставалась вплоть до монголо-татарского нашествия одной из наиболее экономически развитых русских земель. Колонизационное освоение Волго-Окского междуречья осуществлялось за счет избыточного населения древней Русской земли и не могло иметь для нее отрицательных последствий.

Ситуация изменилась коренным образом во времена монголо-татарского завоевания Руси, от которого наиболее пострадала Южная Русь. Разумеется, тотального опустошения и обезлюдения края, как казалось М. П. Погодину и его последователям, не произошло, но урон, понесенный им, был во многом не восполним. И речь здесь не только об огромных материальных и людских потерях, которые при определенных обстоятельствах сравнительно легко восстанавливаются, но прежде всего – о духовно-интеллектуальных. Подвергнув террору княжеско-боярские и высшие церковные круги русского общества и фактически уничтожив их, монголы, по существу, обезглавили народ.

Л. Н. Гумилев объяснил причины бедствий, перенесенных Русью в XII дыханием биосферы. Монгольский этнос, согласно Гумилеву, пребывал в это время на подъеме, тогда как русская этническая система вошла в стадию старения¹¹. Возможно, это и так. Но ведь нельзя же обвинять жертву только за то, что она оказалась слабее разбойника и не смогла защитить себя.

Безусловно, славяне и Русь не только воевали с кочевниками. Были годы, и даже десятилетия, мирных взаимоотношений, в продолжение которых торговые люди обменивались товарами, заключались династические браки, происходило оседание кочевников на землях Руси и их интеграция в славяно-русский этнос. Заимствовались также и культурные достижения двух противостоявших миров. Многие из этого имело место также и в эпоху монголо-татарского порабощения Руси, И все же, если суммировать приобретения и потери от тысячелетнего взаимодействия славян и Руси со своими степными соседями, окажется, что потери были неизмеримо большими. По существу, именно кочевники в значительной мере изменили этнокультурную систему восточнославянских народов, надолго изолировав их от европейского мира.

⁸ Там же. С. 323, 370,

⁹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 316.

¹⁰ Костомаров И. И. Черты народной южнорусской истории // Исторические монографии и исследования, СПб., 1903. Т. I, С. 112–114,

¹¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь, С. 341–342.

Глава 1

Авары, болгары, венгры, восточные славяне

В предложенном заглавии названы главные действующие лица исторических событий V–IX вв., происходивших в украинских степных и лесостепных регионах. В этот период продолжалось Великое переселение народов с востока на запад. Через территорию современной Украины в Карпато-Дунайский регион прошли авары, болгары и венгры. Активными участниками процессов переселения на новые земли в эти века были также славяне.

Византийские источники называют большой союз антов – как часть восточных славян, которые, согласно Иордану, жили между Днестром и Днепром. «Анты же – сильнейшее из обоих [племен] – распространяются от Данаистра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину»¹². Прокопий Кесарийский размещал неисчислимые племена антов на север от народов, обитавших в Северном Причерноморье и Приазовье.

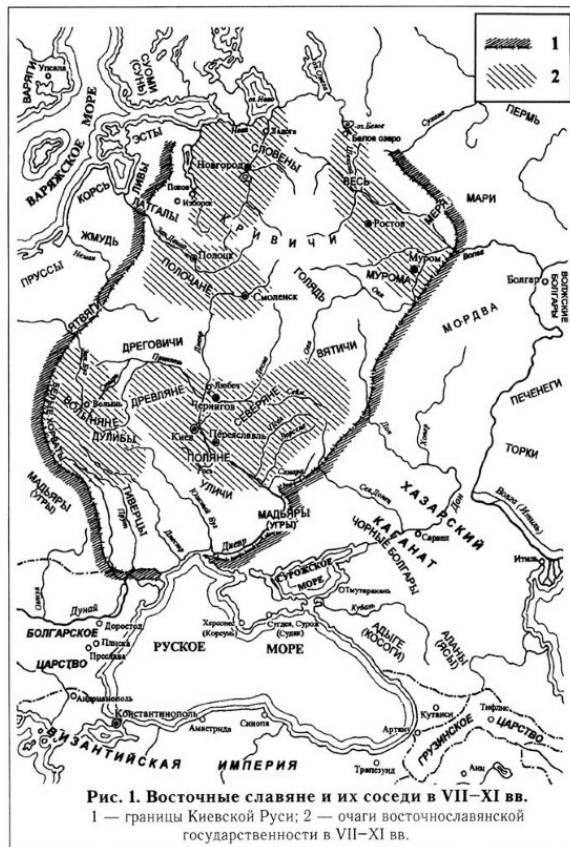
Из информации византийских историков Прокопия и Маврикия явствует, что анты – оседлый народ, занимавшийся хлебопашеством и скотоводством, нередко подвергавшийся опустошительным набегам кочевников. По своему общественному устройству анты соответствовали стадии военной демократии, при которой ведущая роль в обществе принадлежала народному собранию, а также вождям и старейшинам. При описании борьбы славян с аварами в середине VI в. византийский историк Менандр упоминает антских властителей во главе с Мезамиром. Последний принадлежал к знатному роду и пользовался большим авторитетом среди антов.

Анты, судя по известиям «Стратегикона», приписываемого императору Маврикию, были умелыми воинами, легко переносившими трудности военного быта.

Исследования археологов последних лет позволили отождествить с антами так называемую Пеньковскую археологическую культуру. Она охватывает значительную территорию лесостепного пограничья от Северского Донца на востоке до Нижнего Подунавья на западе. Весь облик материальной культуры подтверждает сообщения византийских авторов о земледельческо-скотоводческом укладе жизни антов.

---

¹² Иордан. О происхождении и деяниях гетов М., 1960. С. 72

На территории распространения Пеньковских древностей обнаружено большое число кладов третьей четверти I тыс. н. э., близких между собой по вещевому комплексу. В свое время А. А. Спицин определил их как «древности антов»¹³. В дальнейшем исследователи больше склонялись к мысли о связи этих кладов с кочевниками. Широкомасштабные археологические исследования этой культуры, осуществленные Д. Т. Березовцом, П. И. Хавлюком, О. М. Приходнюком и другими археологами, позволили убедиться в корректности этнического определения владельцев этих кладов, данного А. А. Спициным. Оказалось, что некоторые из кладов (в селе Вильховчик) были найдены в типичных Пеньковских лепных горшках или на Пеньковских поселениях.

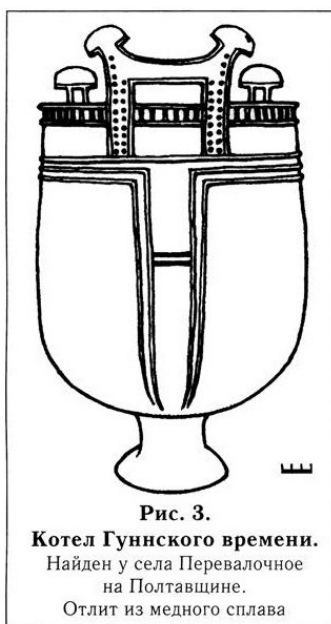
¹³ Спицин А. Л. Древности антов // Сборник отделения русского языка и словесности АН СССР. М., 1928. С. 492–495.

Сказанное, разумеется, не означает, что все вещи этих кладов имеют антское происхождение. Многие из них, как, например, пальчатые фибулы, браслеты с утолщенными концами, поясные наборы пластин, имели широкое евроазиатское распространение.

Хронология кладов мартыновского типа, определенная в рамках середины VI–VII вв., совпадает с заключительной фазой существования пеньковской культуры. Есть все основания связывать гибель последней с аварским вторжением в южнорусские степи.

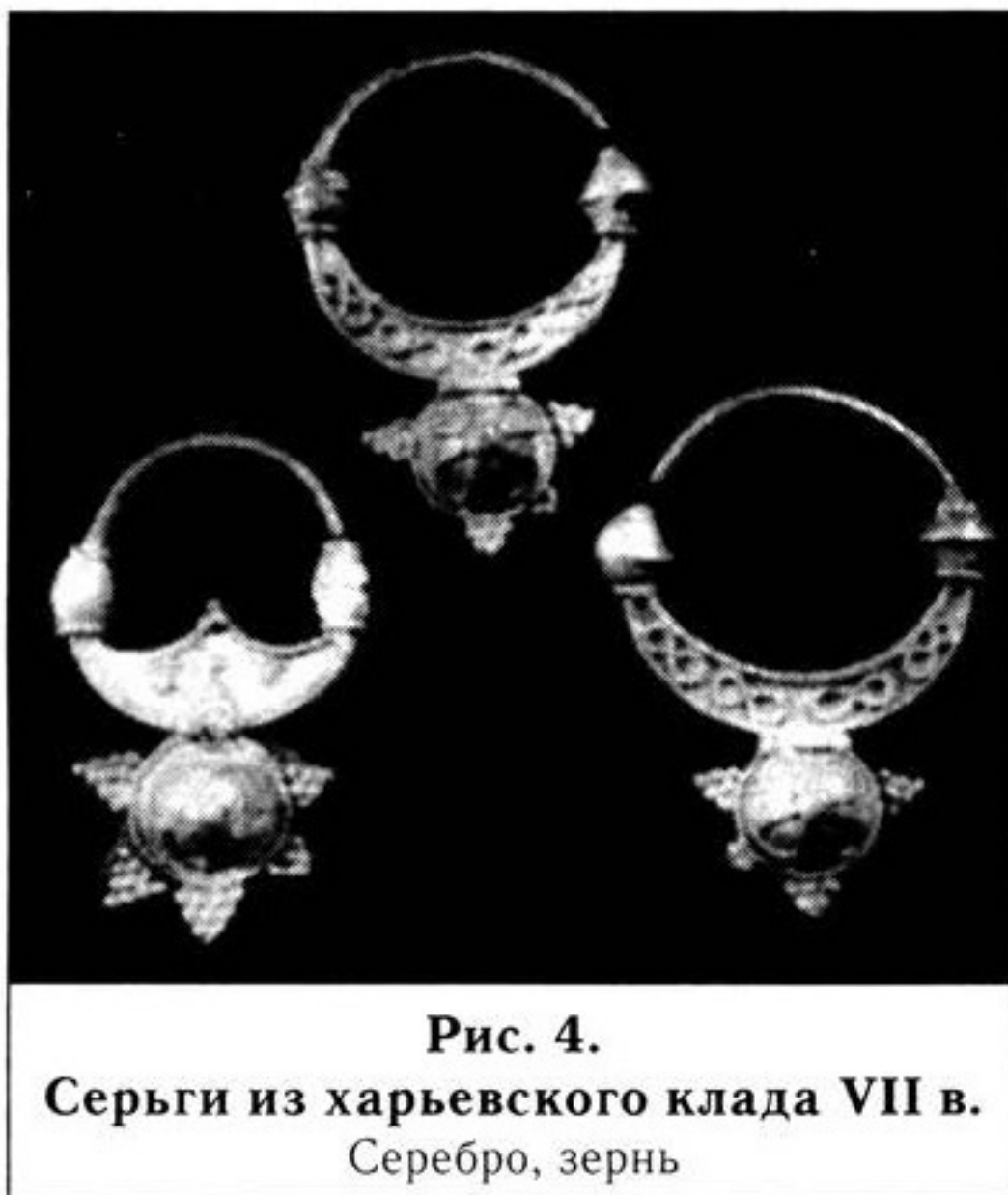
Будучи этнически родственны гуннам, авары с середины VI в. приняли активное участие в событиях на юго-востоке Европы. В 557–558 гг. они вышли к границам Византийской империи. По пути на Дунай авары покорили болгарские племена утигу-ров и кутригуров, а затем и антов.

Как сообщает Менандр, авары вторглись в земли антов и принялись их опустошать. Антские властители оказались в тяжелом положении. Они направили к аварам посольство во главе со знатным вождем Мезамиром.

Однако, не считаясь с традиционной посольской неприкосновенностью, уважавшейся во все времена, авары убили Мезамира, полагая, что славянский вождь не оказал им должного уважения. После этого они с еще большим ожесточением продолжали грабить славянские селения, угонять в рабство жителей. Свидетелями пребывания аваров на территории Украины является, по-видимому, группа погребений, раскопанная у сел Виноградное Запорожской области, Костогрызово, Сивашовка, Сивашское Херсонской области, Портовое в Крыму. Они совершены по обряду трупоположения либо в широкой яме с конем на уступе, либо в узкой яме овальной формы с заплечниками и останками коня на деревянном перекрытии. Инвентарь погребений сравнительно богатый – поясные наборы, колчаны, удила, палаши.

В 60-е годы VI ст., покорив местные славянские племена, авары на землях бывшей римской провинции Паннонии создали свое государство во главе с каганом Бонном. Оно просуществовало до 30-х годов VII ст., пребывая в постоянной борьбе с Византией и славянами.

Рис. 4.
Серьги из харьевского клада VII в.
Серебро, зернь

Как свидетельствует византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта, в 602 г. аварский каган послал большое войско во главе с Апсихом, которое должно было «уничтожить племя антов». Вероятно, именно после этого удара анты уже не смогли восстановить былое могущество своего союза. Характерно, что с этого времени анты уже не упоминаются в византийских источниках.

После разгрома антов авары покорили и дулебов. Память об этом сохранили письменные источники. Согласно сообщению франкского хрониста VII в. Фредегера, авары каждый год шли к славянам, чтобы зимовать у них, там они брали женщин и детей славян, вынуждали их к изнурительному труду.

В завершение насилия славяне обязаны были платить аварам дань¹⁴. Подтверждает эти сведения также и русская летопись. «Въ си же времена быша и обры (славянское название аваров. – П. Т), иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обры воеваху на словѣнѣх,

¹⁴ Мольнар Эрик. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа // *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 13. Budapestini, 1955. С. 127.

и примучиша дулѣбы, сущая словѣны. и насилье творяху женамъ, дулѣбскимъ: аше поѣхати будяще обѣрину, не ладяше выпрячи коня ни вола, но веляше выпрячи 3 ли. 4 ли. 5 ли женъ в тѣлегу и повести обѣрна, и тако мучаху дулѣбы»¹⁵.

В продолжении этой статьи сообщается, что обры были «тѣломъ велици и умомъ горди», но за свои грехи понесли Божью кару и «помроша вси, и не остана ни единъ обѣринъ»¹⁶.

Исследователи полагают, что текст «Повести временных лет» о вымирании аваров первоначально появился в среде паннонских дулебов. Затем, под влиянием одного из писем константинопольского патриарха Николая Мыстыкоса к болгарскому царю Симеону текст изменился и уже в такой форме сохранился в русской летописи. Сведения об аваро-славяноком противостоянии сохранили также иностранные источники. Так, Менандр Протектор писал, что авары «начали разорять земли антов, не переставая грабить и порабощать жителей»¹⁷.

Рис. 5.
Колчан из
аварского
погребения
VII в.
Реконструкция.
Дерево, береста,
кожа, железные
скрепы.
Село Сивашовка
Новотроицкого
района
Херсонской
области.
Раскопки
А. И. Кубышева

Покорив часть славянских племен, авары привлекли их к своим завоевательским походам на Византию. Около 626 г. в союзе со славянами они осадили Константинополь. Славяне подступили к городу на ладьях, но византийцам удалось уничтожить их флотилию. Потерпели поражение в этом бою и авары.

К сожалению, археологических следов прохождения аваров через восточнославянские земли сохранилось немного. Разве только в городище Зимно (неподалеку от Владимира-Волынского) содержатся в археологическом комплексе отдельные аварские вещи. Можно с уверенностью утверждать, что славяне позаимствовали от аваров организацию конного войска и элементы снаряжения всадника. Особое распространение в славянской среде VIII в, как и по всей Европе, получили аварские стремени. То же самое, вероятно, можно сказать и о металлических украшениях поясов, которые имели широкое употребление как среди аварских мужчин, так и среди женщин.

¹⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 14. (Далее: ПВЛ.)

¹⁶ Там же.

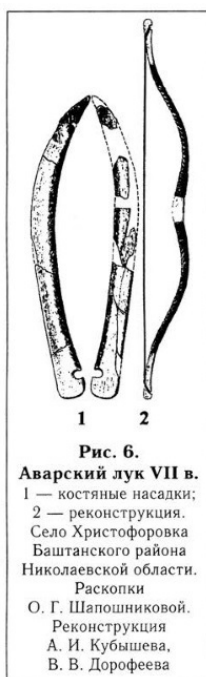
¹⁷ *Plezia M.* Greckie i łacinskie Źródła do najstarszych dziejów Słowian. Wyd. 2. Poznań; Kraków, 1952.

Археологические находки дают основания утверждать, что авары носили одежды, шитые из полотна и шкур. Это были удобные для верховой езды кафтаны, штаны и сапоги. Украшения из бронзы, серебра и золота имели геометрический или звериный орнамент.

Аварское конное войско имело совершенное по тем временам вооружение и снаряжение – слабоизогнутые сабли, луки со стрелами, тяжелые копья, ножи, деревянные седла, украшенные костяными резными пластинами, стремяна. Конница аваров была очень быстрой и маневренной, что делало ее неуязвимой для противника.

По укладу жизни авары – типичные кочевники-скотоводы. Они разводили коней, коров, мелкий рогатый скот. Умерших хоронили по обряду телоположения, сопровождая покойников богатым инвентарем. Нередко аварских воинов хоронили вместе с конем.

Этнический состав Аварского каганата был пестрым. Исследователи полагают, что кроме собственно аваров, которых насчитывалось около 100 тысяч, в нем проживали покоренные славяне-анты, болгарские племена утигуров и кутригуров. Антропологический материал их могильников содержит серии черепов – как монголоидных, так и европеоидных.

Как свидетельствует Феофилакт Симокатта, аварское войско состояло не только из собственно авар, но также и славян. Когда в 601 г. византийцы разгромили на реке Тиссе аварское ополчение, среди плененных только пятая часть была аварами, половина – славянами, остальные – разные другие варвары¹⁸.

Полководец Тиверии при заключении мирного договора с аварами предпочитал получить в качестве заложников детей не аварского кагана, но «скифских»¹⁹ (то есть славянских) князей. Последнее свидетельство указывает, по-видимому, на то, что славяне были федератами аваров, что, впрочем, не мешало последним жестоко угнетать своих славянских союзников.

Последнее упоминание аваров в письменных источниках относится к 822 г. К этому времени, потерпев сокрушительное поражение от Карла Великого, они окончательно сходят со сцены истории.

¹⁸ Феофилакт Симокатта. История / Переводе. П. Кондратьева. М., 1957. С. 178.

¹⁹ В византийских памятниках «Туркия» – перевод венгерского слова «Мадьяросаг», то есть «Страна мадьяр».

Еще одним кочевым народом, судьба которого в VII–VIII вв. тесно переплелась со славянами, были болгары. Вот что об этом пишет «Повесть временных лет»: «Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам»²⁰. Из цитированного отрывка явствует, что летописец представлял себе болгар как часть хазарского сообщества, покинувшего прежние места обитания и ушедшего на Дунай. Вероятно, по пути на новую родину болгары сталкивались со славянами, грабили их, как и другие кочевые народы. Память об этом, как явствует из цитированного текста, сохранялась на Руси еще и в XI в.

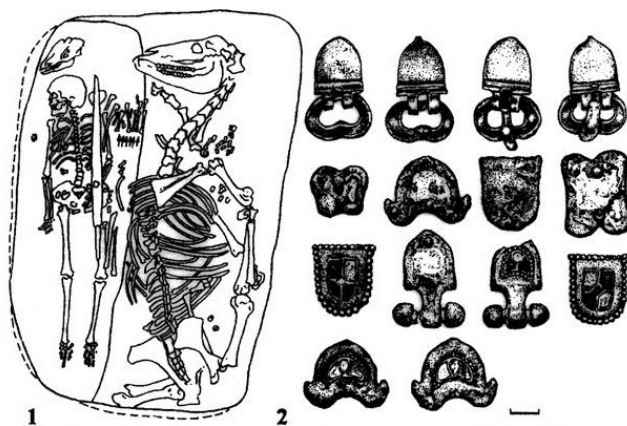

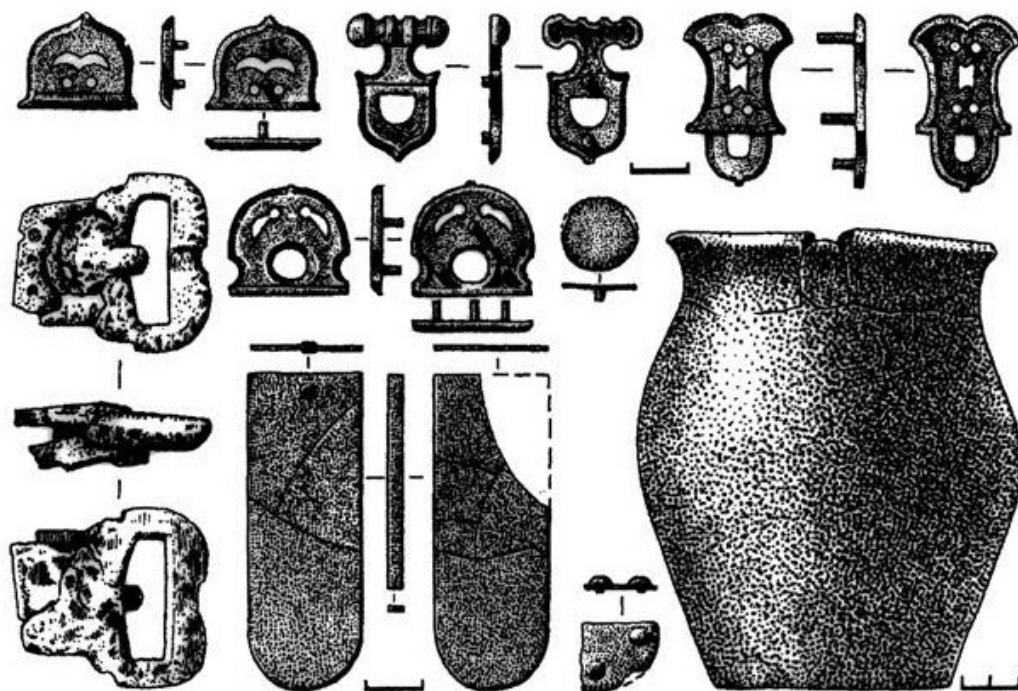
Рис. 7. Аварское погребение с конем. VII в. (1).
Поясной набор (2).

Золото, серебро, бронза, гранаты, стекло. Литье, тиснение, зернь, инкрустация. Село Раздольное, Крым. Раскопки А. А. Щепинского

До своего ухода на новые земли болгары занимали значительные территории Нижнего Подонья и Приазовья, Северного Кавказа и Крыма, где проживали совместно с хазарами и аланами. Общей была и их культура, известная в археологии как салтово-маяцкая. Исследователи этих древностей – В. А. Бабенко, В. А. Городцов, Д. Т. Березовец, С. А. Плетнева, В. А. Михеев, К. И. Красильников и другие выявили различные типы памятников: открытые поселения, городища, катакомбные и ямные могильники, следы кочевий, города.

²⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 210.

Рис. 8. Вещи из аварского погребения VII в.
Село Черноморское Голопристанского района Херсонской области.
Раскопки А. В. Симоненко

Городища – остатки некогда значительных укрепленных центров – находятся преимущественно в лесостепенных районах Подонья, Северского Донца, Оскола. Все они размещены на высоких плато береговых террас и сохранили до наших дней остатки невысоких валов, иногда каменных стен, а также рвов с внешней стороны. Размеры их укрепленных частей достигают 15–20 га.

Хорошо исследованное Верхнесалтовское городище (неподалеку от Харькова) имело в древности мощную цитадель с каменными стенами толщиной до 4 м и высотой 10–12 м, а также башнями, прямоугольными в плане, размерами 6 х 3 м. Другая часть поселения была укреплена земляными валами. Многолетние раскопки верхнесалтовского археологического комплекса (кроме городища здесь исследуется также катакомбный могильник) показали, что мы имеем дело с остатками большого города VIII–X вв... раскинувшегося на площади 120 га. Судя по

характеру обнаруженного материала, это был крупный ремесленный, торговый и, возможно, административный центр.

Материальная культура его представлена орудиями труда – косы-горбуши, тесла-мотыжки, резцы, кузнечные инструменты, ножи; предметами вооружения – сабли, боевые топоры, наконечники копий и стрел, кистени; предметами конского снаряжения – удила, стремяна, пряжки; украшениями – кольца, перстни, серьги, браслеты, декоративные бляшки для кожаных поясов и конской сбруи.

Практически вся керамика – кухонная, столовая и тарная – изготовлена на гончарном круге. Особым разнообразием форм и высоким качеством отличается столовая керамика. Поверхность ее всегда лощеная, цвет – серый, черный, реже желтый или красный. Преобладают кувшины, кружки, кубышки и миски. Своеобразны и неповторимы в формах салтовские кувшины – одноручные и двухручные, украшенные лощеными или рифлеными линиями.

Жилища памятников салтово-маяцкой культуры делятся на три группы: юрты, полуземлянки и наземные жилища. Юрты исследованы преимущественно в степных районах Подонья и Приазовья, полуземляночные и наземные жилища – в лесостепных. Учитывая, что традиционным жилищем степных народов была юрта, можно предположить, что появление в их среде прямоугольных полуземляночных и наземных жилищ было результатом влияния оседлых соседей, в том числе и славян,

Весь облик материальной культуры салтово-маяцких памятников свидетельствует, что одним из основных хозяйственных занятий алано-болгарского населения было земледелие и оседлое скотоводство. Наличие пашенного земледелия подтверждают находки лемехов и чре-сел на городище Маяки, орудий уборки и переработки урожая, а также находки зерна или отпечатков различных злаковых культур.

Важное место в жизни носителей салтово-маяцкой культуры занимала торговля. Об этом, в частности, свидетельствует большое количество восточных монет на поселениях и могильниках, находки бус, серег, браслетов, зеркал, которые поступали с Востока и Кавказа. В сферу торговых интересов алано-болгар, по-видимому, входили и сопредельные с ними восточнославянские земли, куда поступала продукция салтовских кузнецов, ювелиров и керамистов.

В письменных источниках VI в. упоминаний этнонима «болгары», по существу, нет. Проконий Кесарийский, Иордан и другие авторы наследниками гуннов на юге Восточной Европы считали оногуров и кутригуров, обитавших по обоим берегам Дона. В период 60-х годов VI в. – 30-х годов VII в, приазовские и причерноморские племена создают первое государственное образование, так называемую Великую Болгарию, Это было разноэтническое образование, в состав которого, по-видимому, входили кроме болгарских также и венгерские племена. Как полагают исследователи, связь болгар с утрами отражена уже в самом этнониме «булгары», где первая часть «булга» является тюркской, а вторая восходит к утрам.

После разгрома Великой Болгарии хазарами в 60-70-х годах VII в. часть болгар во главе с ханом Аспарухом откочевала через восточноевропейские степи на Дунай. Это событие нашло отражение в хазаро-еврейской переписке. «Они [болгары] оставили свою страну и бежали, а те [хазары] преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна»²¹.

Вызывает сомнение, что это сообщение адекватно отражает событие. Конечно, хазары могли преследовать болгар после нанесенного им поражения, но предположить уход значительных масс населения в виде бегства обычного воинского соединения вряд ли возможно. Процесс переселения болгар с Дона на Дунай был сравнительно длительным. Как полагают некоторые исследователи, вначале они пытались закрепиться в районе Поднепровья, но после того, как их и здесь настигли хазары, ушли на Дунай.

Археологически путь болгар в Подунавье прослеживается очень слабо. Попытка связать с ними знаменитый Перещепинский клад, отождествив его с погребением хана Куврата, о чем уже упоминалось выше, не может быть признана безусловной. Во-первых, глухих свидетельств о каких-то «деревяшках», возможно, от гробовища, а также о находке человеческих костей (фрагменте черепа и коленной чашечки) не достаточно для утверждения, что мы имеем дело с погребением хана-кочевника. А во-вторых, весь ритуал захоронения никак не согласуется с выводом исследователей о христианстве Куврата. Не определенной остается также этническая принадлежность кладов-погребений возле сел Келигея – в дельте Днепра, Зачепиловка – на Полтавщине, Глодосы – на Кировоградщине, Вознесенка – на Днестре. Кроме общего вывода о том, что названные древности оставлены кочевниками, ничего более конкретного исследователям установить не удалось.

Набор золотых и серебряных вещей в памятниках типа Малая Перещепина имеет, по существу, интернациональный характер. Это серьги, витые гривны, плетеные цепи, ожерелья из бус, медальоны, лунницы, кресты, имевшие византийское происхождение. Поясные наборы, пряжки с прямоугольными или овальными дужками и щитовидными обоями, плоские поясные наконечники, накладные бляшки имели распространение в дружинной среде практически всех евразийских кочевников, а также их оседлых соседей. Это относится и к предметам снаряжения всадника: удилам, стремянам, седлам, пряжкам и бляшкам от конской сбруи.

Оружие представлено саблями, кинжалами, боевыми топорами, наконечниками копий и стрел.

Набор золотой и серебряной посуды из погребения-клада у села Малая Перещепина – блюда, тарелки, кувшины, вазы, кубки, амфоры, ритоны, ложки – произведены в мастерских Византии и Ирана. Наличие здесь 89 византийских монет, чеканенных между годами 582-м и 668-м, позволяет относительно точно датировать время, когда эти ценности зарыли в землю.

²¹ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932. С. 32.

Значительный интерес представляет находка богатого клада у села Вознесенка Запорожской области. Как удалось установить В. А. Гринченко, он находился в одной из ям внутри прямоугольного укрепления, насыпанного из земли и камней. В состав клада входили ювелирные изделия из драгоценных металлов, дружинное снаряжение, две серебряные фигурки орла и льва, навершия знамен. Все это находилось вперемешку с золой и пеплом, а также пережженными человеческими костями. Это наблюдение позволило В. А. Гринченко сделать вывод о том, что открытый объект является коллективным сожжением воинов и полководца, осуществленным в военном лагере²². А. К. Амброз полагал, что перед нами – поминальный комплекс, который можно датировать первой половиной VIII в. и связывать с тюрками²³.

Временем прохождения болгар через южнорусские степи датируется целый ряд единичных захоронений, помещенных в насыпи курганов. Они выявлены на Днепре, в Херсонской и Николаевской областях. Погребения возле сел Христофоровка, Новая Одесса Николаевской области и Черноморское Херсонской области по погребальному обряду, характеру инвентаря и форме могильных ям в целом очень близки к ямным могильникам Подонья, Дунайской и Волжской Болгарии.

Описанная выше группа богатых погребений с конем, имеющая аналогии в позднеаварских могильниках, рядом исследователей связывается также с болгарами, а появление погребений богатых воинов с конем в самой Паннонии, по их мнению, вызвано участием кутригурского союза племен в аварских походах 30-х годов VII ст. на Византию.

Истории было угодно, чтобы тюрко-болгары превратились в славяно-болгар. Византийский церковный деятель и хронист Феофан Исповедник (760–818) и патриарх Никифор (758–829) свидетельствовали, что болгары во главе с ханом Аспарухом, придя на Балканы в 680 г., обнаружили здесь много славян, с которыми и образовали болгаро-славянское государство. Не исключено, что процесс славянизации болгар начался еще в Подонье, где их северными соседями были славяне, а также во время прохождения их через славянские земли на Дунай. Можно предположить также, что и переселенческая волна болгар втянула в себя какую-то часть славянского населения, которое уже с VI в. проложило дорогу в Балкано-Дунайские земли Византии.

Вероятно, одним из примеров славяно-болгарского синтеза может быть известное Пастырское городище. Памятник этот расположен в ареале пеньковской культуры, но выделяется своеобразием археологического комплекса. В свое время М. И. Артамонов видел в нем ставку кутригурского хана, хотя сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу такого предположения не привел.

---

²² Гринченко В. А. Памятка VIII ст. колос, Вознесенки на Запорижжя // Археология. 1960. Т. 3 С. 37–63.

²³ Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья, М., 1981. С. 38–42.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.